
18+
Сыграй
Со мной
АМАРИССА ЛИ

Амарисса Ли

Сыграй со мной

«Издательские решения»

Ли А.

Сыграй со мной / А. Ли — «Издательские решения»,

Я думала, что смогу сыграть в его игру и выйти сухой из воды. Уильям Макхилл — это ходячая катастрофа в дорогом костюме. Он привык получать всё, что хочет. А захотел он меня. Мы договорились: никаких отношений. Только удовольствие. Только игра. Но я не заметила, как перестала играть и начала тонуть. А потом появились две полоски. Теперь я стою перед выбором: сказать ему — или исчезнуть. Только вот он уже нашёл меня. И, кажется, не собирается отпускать.Книга содержит нецензурную брань.

© Ли А.
© Издательские решения

Содержание

Посвящение 6
Пролог 7
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 21
Глава 5 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Сыграй со мной

Амарисса Ли

© Амарисса Ли, 2026

ISBN 978-5-0071-7798-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Спасибо тем, кто верит в меня и мое творчество.
Без вас это бы никогда не случилось.

Пролог

Кара

У всего когда-то наступает конец.

Когда я начинала отношения с Уильямом Макхиллом, мне казалось, что это будет забавное приключение на американских горках, которое оставит после себя горько-сладкое послевкусие.

Я была готова стать его временным удовольствием. Мы договорились об этом. Чуть не составили контракт в трех экземплярах, чтобы сделать это настоящим.

Он был моим самым тайным, темным и грязным секретом.

Таинственные отношения с человеком, чья жизнь расписана с пеленок, — это само по себе преступление против патриархальных традиций.

Мы не можем быть вместе. Разный социальный статус разделял нас на километры друг от друга, так что сама мысль о совместном будущем казалась до абсурда смешной.

Поэтому мы просто договорились, что…

Что насладимся тем, что можем себе позволить, чтобы после расстаться и вспоминать об этом времени как о приключении, подарившем нам незабываемые эмоции и воспоминания.

Но теперь, сидя в его черном, тонированном вкруг «Роллс-Ройсе», я понимаю, что игры и приключения остались позади.

На передний план всплыли обстоятельства, к которым мы не были готовы.

Влюбленность.

Глупая, беззастенчивая, сжирающая изнутри, словно яд, влюбленность.

Я не хотела влюбляться в него, но… Это просто случилось, и я ничего не могла с этим сделать.

Уже настолько поздно что-то менять, что это причиняет нам обоим боль.

Он не любит меня. Я знаю, что не любит, потому что мы никогда не говорили об этом.

Мы пообещали друг другу, что не станем влюбляться.

Но плод нашей любви, о котором он не знает, рос во мне.

Глава 1

Кара

— Чёрт, чёрт, чёрт!

Я накрываю голову учебниками и мчусь под проливным дождём, высматривая свободное место под любой крышей, где можно переждать эту внезапную бурю. Учебники — хреновая защита. Я промокла до нитки. Холодная капля скатывается по спине, заползая прямо за резинку трусиков. Про лицо вообще молчу — хочется потереть его ладонями, чтобы избавиться от бесконечного потока воды.

Мама предупреждала. Трижды. Но я, как умная девочка, забыла про зонт сразу после прощального «До вечера!».

Я идиотка. Настоящая безмозглая идиотка.

Телефон вибрирует в кармане кардигана. Наверняка мама — спрашивает, не забыла ли я взять чёртов зонт. Посылаю всех к чертям и продолжаю бежать.

Я останавливаюсь у светофора, чтобы перейти дорогу и спрятаться под козырьком обувного магазина, как вдруг прямо передо мной тормозит блестящий чёрный «Роллс-Ройс» с тонированными стёклами. Только один напыщенный засранец в нашем университетском городке ездит на такой машине.

Окно опускается, и миру является аристократичная рожа Уильяма Макхилла. Я морщусь.

— Эй, Минсон, прыгай, иначе окончательно промокнешь, — командует он с ухмылкой.

Моя челюсть отвисает, чуть не шлёпнувшись в лужу, в которой я стою своими новыми белоснежными кедами.

— Быстрее, — ворчит он, поглядывая в зеркало заднего вида.

Я понимаю его раздражение. Он проявляет небывалую сдержанность — спасает жалкую человечку посреди улицы, нарушая правила дорожного движения. Но у него внутри тепло, сухо… и это отличный повод намочить его кожаные сиденья. Чтобы знал, как красть мои конспекты по философии. И оплачивать химчистку я не буду — он не обеднеет, в отличие от моей тощей задницы.

Сзади сигналят. Уильям перегородил полдороги.

— Кара, поторопись, ради всего святого!

Тяжело вздыхаю, убираю учебники и прыгаю в его роскошную тачку. Голые бёдра касаются холодной кожи сиденья, и я ёрзаю, устраиваясь поудобнее.

— Пристегнись, — бросает он, трогаясь с места.

Я подчиняюсь. Глаза шарят по салону — сканируют каждый сантиметр роскоши, в которой я оказалась по чистой случайности. Уильям Макхилл никогда никому не помогает. Запомните это как тригонометрическое тождество.

Он бросает на меня короткий взгляд и расслабленно вклинивается в поток машин. Я замечаю, что его взгляд задерживается на моих влажных бёдрах.

Интересно, почему я напрочь забыла про приложение погоды? Иначе не могу объяснить, зачем надела короткую юбку в складку вместо удобных лосин. Хотя под низом были шорты — чтобы избежать неловкостей. Но это не спасло. Я замёрзла, промокла до костей и мечтаю только о горячем душе.

Снова ёрзаю на сиденье. Кожа противно поскрипывает. Румянец заливает щёки.

Я выгляжу ужасно. Крупные локоны превратились в сосульки, кардиган тянет плечи вниз, в кедах булькает вода.

— Не пялься, — рявкаю я, прикрывая бёдра сумкой и учебниками.

Уильям ухмыляется.

— Ты похожа на мокрую курицу.

— Как оригинально, Макхилл. Детский сад, правда, скучает без тебя.

Его глаза вспыхивают весельем, с губ срывается смешок.

— Я не привык бросаться оскорблениями налево и направо, в отличие от некоторых невоспитанных девочек.

Я огрызнулась бы, но его низкий баритон разливает по телу странное тепло. Молчу, пытаясь сохранить презрительно-ледяное выражение лица и не обращать внимания на то, как идеально его белое поло обтягивает плечи.

— Знаешь, может, я и дворняжка без манер, но хотя бы не чопорная аристократка с палкой в заднице.

Он смеётся. Ему нравится, что я огрызаюсь. Похоже, я не задеваю его эго — наоборот, он наслаждается. Смотрит на меня как на забавную зверушку, которая не боится кусаться.

Я отворачиваюсь к окну. Дождь не кончается. Дерьмо. Фея, соседская собака, ненавидит дождь. А я ненавижу его в квадрате — он насмехается, рушит планы. Несправедливость.

Я покусываю губу, пытаясь привыкнуть к мысли, что Уильям Макхилл везёт меня домой.

Мы знакомы три года. Учимся на одном факультете. Не здороваемся. Не разговариваем. Не смотрим друг на друга. Единственное «общение» — когда он украл мои конспекты. И мне плевать, что его попросили передать тетрадь. Он мог отказаться.

— Ты правда считаешь меня чопорным аристократом с палкой? — спрашивает он, не переставая улыбаться.

Я поворачиваюсь и смотрю на него взглядом «ты серьёзно?». Он перехватывает мой взгляд, и у меня перехватывает дыхание. Широкая улыбка — ровные белые зубы. Сердце сжимается. Чёрт. Я слишком очарована. Но нельзя поддаваться — за этим милым лицом прячется ублюдок. У таких, как он, нет ни капли человечности.

— Есть имидж, который нужно поддерживать, — пожимает он плечами. — В конце концов, я спас твою тощую задницу.

— Спас? — я давлюсь смешком. — Ты просто рыцарь в сияющих доспехах, который перегородил полдороги, чтобы я не нашла крышу.

— Мне стало жалко тебя, — говорит он и пожимает плечами.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Улыбаюсь — той улыбкой, которую Хейли называет «Кара, у тебя глаза горят».

— Жалко, значит.

Он смотрит на дорогу, не замечая опасности.

— Ну да. Ты мокрая, без зонта, я просто…

— Просто решил поиграть в благотворительность, — перебиваю я. — Ловишь мокрых студенток и развозишь по домам? Новый вид спорта или душа развернулась?

Он наконец переводит на меня взгляд. Нахмуренный, сбитый с толку. Боже, какой же он медленный, когда дело касается чувств.

— Кара, ты обиделась?

— Обиделась? — я хлопаю ресницами с притворным изумлением. — Я? На тебя? Макхилл, я сижу в твоей шикарной машине с мокрой задницей, порчу твои кожаные сиденья, и ты будешь три дня ныть про химчистку. Кто тут объект для жалости — решай сам.

Я отворачиваюсь к окну, чувствуя, как улыбка сползает с лица. Он не видит. И не должен.

— И вообще, — говорю я уже стеклу, — если я тебе кого-то напоминаю, пусть это будет не мокрый котёнок, а хотя бы феникс. Мы, знаешь, из пепла восстаём. В смысле, из луж.

Короткий смешок. Один — и снова тишина. Я не оборачиваюсь, но улыбаюсь по-настоящему. Потому что он смеётся. И потому что я не разрыдалась, не ударилась в истерику и не выскочила из машины, хлопнув дверцей.

Пока что мы играем в мою игру.

Он тихо выдыхает — смесь смеха и удивления.

— Ты странная, Минсон.

— Это я-то странная? — я улыбаюсь своему отражению в стекле. — Это ты остановил машину посреди дороги, чтобы подобрать мокрую студентку, и удивляешься, что она не падает тебе в ноги с благодарностью.

— А должна была?

— По сценарию — да. Но я не люблю чужие сценарии.

Он качает головой, но я краем глаза вижу — он улыбается. Довольный, как кот, который нашёл мышку, которая не боится.

— Тогда скажи прямо: хочешь, чтобы я высадил тебя у «Авроры»?

Я поворачиваюсь к нему. Смотрю с любопытством.

— А ты послушаешься, если я скажу «да»?

— Нет, — без паузы отвечает он. — Дождь ещё не кончился. Я не хочу, чтобы ты простыла. Это не жалость. Это… — он задумывается на секунду, — практичность. Мне не нужны проблемы с твоей совестью, если ты заболеешь.

Я фыркаю, но внутри что-то тёплое шевелится. Практичность, значит.

— Ладно, — откидываюсь на спинку сиденья. — Вези. Но если я протеку твой салон до дыр — сам виноват.

Он усмехается, и мы едем в тишине. Но это не неловкое молчание. Скорее, любопытное. Как будто мы оба переваривем то, что только что случилось.

Уже подъезжая к дому, Уильям неожиданно спрашивает:

— Ты пойдёшь на вечеринку к Джерри?

Я осторожно поворачиваюсь к нему.

— Не знаю. А что?

— Хейли сказала, что придёт, — он пожимает плечами. — Мне показалось, тебе стоит знать.

— Чтобы ты мог пялиться на мои бёдра весь вечер?

Он улыбается — той самой улыбкой, от которой внутри всё переворачивается.

— Чтобы я мог убедиться, что ты не простудилась. Практичность, Минсон. Помнишь?

Я фыркаю, открывая дверцу. Но перед тем как выйти, задерживаюсь на секунду, оборачиваюсь.

— Посмотрим. Если у тебя там не будет скучно.

Я вылезаю из машины, и его взгляд снова скользит по моим ногам. Я прикрываю бёдра сумкой.

— Перестань пялиться на мои бёдра!

— Не могу, — он тяжело вздыхает и отворачивается. Я вижу, как он зажмуривается, а потом в глазах появляется почти отчаяние.

— Почему? — у меня ёкает сердце. Он что, извращенец?

— Думаю, во сколько мне обойдётся чистка, — он усмехается, и я вспыхиваю до корней волос. — Ты оставила лужу…

Конечно. Ну разумеется.

— ТЫ КОЗЁЛ, МАКХИЛЛ!

Я с визгом выскакиваю из машины, наклоняюсь к открытой дверце и смотрю на него со всей ненавистью, на которую способна.

— Это твоя благодарность? — он широко улыбается.

— Да! Засунь её себе в задницу!

Я захлопываю дверцу — чуть сильнее, чем нужно. Мне плевать, если он будет оплачивать ремонт. Пошёл он со своей практичностью.

Я разворачиваюсь и иду к дому, слыша, как за спиной «Роллс-Ройс» уезжает. И только когда машина скрывается за поворотом, я позволяю себе улыбнуться.

Что ж, Макхилл. Ты сам сказал — ты не любишь чужие сценарии. Значит, напишем свой.

Глава 2

Кара

На следующее утро я просыпаюсь в разбитом состоянии: сопли текут рекой, а глаза так сильно горят, что их хочется самолично достать руками.

В комнате раздаётся стук. Я стону и переворачиваюсь на другой бок, не желая просыпаться и открывать глаза — они слишком чувствительны к свету, который прорывается сквозь неплотно задёрнутые шторы.

— Кара, ты встала?! — кричит мама, снова проходя мимо спальни и стуча костяшкой пальца.

— Почти, — ворчу я в подушку.

Я не собираюсь вставать. Этот мир может подождать, пока я не приду в себя, потому что мне как-то совсем плохо…

Грёбаный дождь. Ненавижу такую непредсказуемую погоду. Да, я сама виновата, что не взяла зонт и не скрылась под какой-нибудь переполненной людьми крышей, но кто же знал, что у меня будут сопли?

Я делаю глубокий вдох и понимаю, что одна ноздря не дышит.

Срань господня. За что мне всё это?

— Кара!!!

Мама снова стучит, а потом открывает дверь, и я морщусь от каждого звука, который ощущается молотком по моей голове.

— Я сплю! — хриплю я.

— В смысле «сплю»? — удивляется мама, подскакивая к постели. Она протягивает свою сухую ладонь и трогает мой лоб.

Я удовлетворённо мычу на прохладу пальцев, коснувшихся моего разгорячённого лица.

— Господи, ты что, заболела?! — закипает мама. — Я принесу противовирусное и жаропонижающее. Вставай, Кара!

— Нет! — стону я на грани истерики. — Пожалуйста, мама! Мне нужно остаться дома.

— У тебя важный семинар у миссис Ромэнс и зачёт у профессора Диссанс! — напоминает она.

Я начинаю дёргать руками и ногами, как капризная девчонка. Всхлипы слетают с моего пересохшего горла, но я всё равно следую её приказам — поднимаюсь с постели и пытаюсь собрать разбитые части своего слабого организма.

— Ты была без зонта, — в её голосе — упрёк, который я воспринимаю как должное.

— Да. Мне очень жаль, но я забыла взять его, потому что торопилась.

— Я же говорила! Трижды! Но нет, моя гениальная дочь решила, что зонт — это опция!

Я смеюсь над её словами, покачивая головой из стороны в сторону.

Мне вообще-то не пятнадцать, чтобы меня ругали за зонт, но так приятно получать родительскую заботу, любовь и поддержку… В любом виде.

Мама даёт мне стакан воды и вкладывает в ладонь таблетки. Её строгий взгляд смягчается, и она гладит меня по волосам:

— Обязательно возьми с собой таблетки и прими их в обеденный перерыв. Извини, мне нужно бежать, — она наклоняется к моему лбу, оставляя нежный поцелуй. — Тебе должно полегчать уже через час, пока ты собираешься. И да: не опоздай!

Мама выскакивает из комнаты, чтобы продолжить собираться на работу.

— И обязательно позавтракай! Я приготовила болтунью!

— Хорошо, — бормочу я, с тоской поглядывая на кровать, которая буквально манит в свои объятия.

Несмотря на эти весьма печальные последствия моего брожения под дождём, я глотаю несколько животворящих таблеток и собираюсь в университет.

Надо же, как удобно иметь свою личную тачку. Не толкаться в метро, не дышать чужими подмышками и не пытаться отвоевать свободное пространство в вагоне. Маме машина нужнее, чем мне, поэтому мне приходится довольствоваться тем, что есть.

Я нахожу Хейли возле второго корпуса, где у нас проходят занятия по классической зарубежной литературе. Она стоит у дверей, осматриваясь по сторонам — меня высматривает, потому что я обещала прийти минут пятнадцать назад, но у меня возникли проблемы перед самым выходом из дома.

Когда я подхожу к Хейли, она хватает меня за запястье и в буквальном смысле втаскивает в корпус и тянет к лестнице.

— Ты чуть не опоздала, — шипит она, когда мы почти срываемся на бег, перепрыгивая через ступеньки.

— Извини! — выпаливаю я, крепче сжимая её руку. — Мне нужно было взять с собой таблетки, чтобы не помереть к концу занятий.

— Ты что, заболела? — ужасается Хейли, прикладывая ладонь к груди, когда мы оказываемся на третьем этаже и максимально быстрым шагом идём в сторону нужной аудитории.

— Простуда, — поясняю я, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. — Вчера был дождь, если ты забыла.

— Разве мама не напомнила тебе взять зонт? — дразнится Хейли, подталкивая меня плечом. Моя подруга знает, что у меня небольшие кратковременные потери памяти, когда дело касается чего-то важного. Возможно, мне стоит попить какие-нибудь витамины, пока не стало поздно.

— Напомнила, но я всё равно забыла, — морщусь от своей же тупости, а потом мы влетаем в аудиторию.

Миссис Ромэнс ещё нет, поэтому мы взбегаем по амфитеатру и занимаем свои места в третьем ряду. Я достаю из портфеля конспекты и прочитанную книгу, взятую в библиотеке на прошлой неделе.

— Бестолковая, — Хейли тычет пальцем мне в плечо. — Ты прочитала всё, что нам задавала миссис Ромэнс?

— Да-а, — протягиваю я, ощущая, как внутри поднимается удовлетворение от прочитанного.

Я люблю книги и всё, что с ними связано. Дома у меня хранятся два забитых под завязку стеллажа. Мама пока не позволяет расширяться из-за ограниченного места, но я собираюсь исправить это в ближайшее время. Жаль, что в экземплярах, взятых из библиотеки, нельзя делать заметки, иначе она была бы испещрена цветными стикерами.

Дверь в аудиторию вновь открывается. Появляется миссис Ромэнс в белой рубашке и чёрной юбке в пол. Её огненно-рыжие волосы скручены в тугой узел, а на переносице сидят модные очки в чёрной оправе. Она взваливает на стол тяжёлую сумку и несколько материалов для лекции.

Образовавшаяся тишина способствует тому, чтобы поскорее начать занятия. Мы с Хейли прекращаем переговариваться и сосредотачиваем внимание на преподавателе.

И вдруг…

Краем глаза замечаю его.

Уильям Макхилл.

Он сидит во втором ряду дальнего ряда. Рядом с ним его закадычные друзья, такие же несносные и эгоистичные — Джерри и Брэм. Все трое выглядят так, словно их выточили из

камня, как римские скульптуры. Одеты в белые накрахмаленные рубашки, подчёркивающие их золотистый загар. Просто тошно, если честно.

Я всматриваюсь в профиль Уильяма слишком долго — он чувствует чьё-то пристальное внимание, поэтому медленно поворачивает голову и…

Смотрит прямо на меня!

Мамочки.

Наши взгляды пересекаются. Его карие глубокие глаза впиваются в меня, словно пиявки. Ощущаю себя так, словно ударили током.

Почему я так странно себя чувствую? Разве мне не должно быть плевать? Подумаешь, подвёз до дома, выручив жалкую оборванку, ну и что с того? Может, он всё-таки не такой засранец, каким кажется на первый взгляд. Я в этом сильно сомневаюсь.

Вспоминаю, как он остановился… Как внутри салона приятно пахло его древесно-цитрусовым ароматом… Как его карие глаза смотрели на меня…

Щёки начинают пылать… Я что, думаю о его запахе посреди лекции? Чёрт.

Да ну… Я что, с ума сошла — испытывать возбуждение при виде этого человека?

Я больна!

Это всё простуда. Иначе с чего бы я вообще это вспоминала?

Облизавшись, прикусываю нижнюю губу. Замечаю, как его глаза вспыхивают опасным огоньком, словно он тоже чувствует это напряжение между нами…

Испуганно вздрагиваю, когда Хейли касается моего предплечья и что-то тихо шепчет.

— Эй, Кара, ты не…

Поспешно отвожу взгляд в сторону, чтобы сморгнуть наваждение. Затем поворачиваюсь к подруге и пытаюсь понять, о чём она говорит.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно шепчет Хейли, наклоняясь ко мне.

Когда её пальцы касаются моих красных щёк, я быстро киваю и морщусь:

— Да, просто температура подскакивает, — я машу на себя ладонью, чтобы согнать жар. — А ещё… Здесь так жарко.

Хейли выгибает бровь, как будто не верит мне, но молчит.

Вновь бросаю взгляд на Макхилла. Он всё ещё смотрит на меня, но теперь его глаза подозрительно прищурены. Будто он что-то понял. Будто читает меня как открытую книгу.

Господи, я схожу с ума.

Уильям

Я болен.

Серьёзно, я болен болезнью, название которой ещё не придумали.

Я хочу трахнуть Кару Минсон.

Точка.

У этого есть диагноз?

Я не знаю, когда оно началось. Просто однажды я понял: она сидит у меня в голове. И не вылезает.

И дело не в её откровенной одежде, которую она позволяет себе носить несколько раз в неделю, сверкая то оголёнными ногами, то плечами.

Её тело — отдельный разговор. Чёрт, я готов залипнуть на нём на весь день, если бы не надо было делать вид, что я смотрю в доску.

Роскошные тёмные волосы, которые она всегда носит распущенными, напоминают мне буйные морские волны. Я безумно хочу ощутить их между своих пальцев, а желательно — потянуть настолько сильно, чтобы она зашлась в кашле.

Думаю, что это началось в прошлом году.

Мы участвовали в дискуссии по философии, и она со своим острым и ироничным языком зажгла меня. Я никогда не испытывал ничего подобного.

Мне просто хотелось заткнуть её рот каким-нибудь кляпом и доказать, насколько она была не права.

Моё желание было чистым и искренним. Только сексуальным. Я хотел её так, что зубы сводило.

Я знаю, что выгляжу как мудак. Но мне плевать. Я не хочу её душу. Мне нужно её тело.

Никто не останется в меньшинстве. Я позабочусь об этом. Она получит своё удовольствие — я умею доставлять его. А потом она уйдёт, и я смогу нормально дышать.

Я сделаю так, что она не пожалеет. А если пожалеет — мне будет всё равно.

Я не следил за ней специально — это не в моём стиле. Проезжая по оживлённой городской улице, я узнал её стройные бёдра под дождём и не смог сдержаться — остановился, пренебрегая правилами, и приказал сесть в машину.

Идеальный шанс. Разве не прекрасный повод начать?

Кара похожа на кошку. Колючую и одичавшую. Её нужно приласкать, довести до состояния покладистой кошечки. В голове уже крутились планы, как захватить всё её внимание и сделать так, чтобы она стала зависимой от меня. От того, что я могу ей дать.

Придя на занятия, я знал, что она будет вспоминать нашу короткую поездку на машине. Она шальная. И ей явно не хватает моего внимания.

Она уже в моём поле зрения. Вопрос только в том, как долго она будет сопротивляться.

Её щёки покраснели, а в распахнутых глазах был ураган эмоций, которые она сдерживала в себе.

Я всё понял с одного взгляда. Она краснеет. Смотрит на меня. Но это ещё ничего не значит. Мне нужно больше. Мне нужно, чтобы она сама пришла.

Чей-то локоть врезается в бок, вырывая из мыслей о Каре. Поворачиваюсь и вижу, что Брэм уже складывает конспекты в сумку.

— Ты идёшь или как? — лениво спрашивает он. — Ромэнс закончила.

Перевожу взгляд на профессора, который сидит за своим столом, уткнувшись в бумаги.

Всё закончилось. Удивительно, что Ромэнс пропустила меня. Обещала ведь опросить всех.

Я всю лекцию думал о Каре Минсон?

Предсказуемо. Она сидит во мне слишком глубоко.

— Ага, — бросаю я, вставая и хватая одной рукой нераскрытые книги и тетради.

Перед тем как выйти из аудитории, бросаю взгляд на Кару и Хейли — они всё ещё стоят у парты. Моя девочка до сих пор красная. Вижу, как она закатывает глаза и цокает языком. Задерживаю взгляд на её сочных губах, вкус которых я должен узнать.

Скоро.

Выйдя в коридор, Джерри расплывается в довольной улыбке:

— Лина согласилась прийти на вечеринку!

Брэм закатывает глаза. Я вздыхаю. Джерри пытается уложить Лину на лопатки, и это начинает бесить.

Их игры в кошки-мышки продолжаются уже почти год.

Мне нравится, как она динамит Джерри и проходится по нему шпильками — как по мокрой половой тряпке.

Интересно, когда он поймёт, что Лина не для него?

— Ну и хрен с вами, — Джерри поочерёдно толкает нас с Брэмом. — Я же молчу о ваших целибатах.

Я фыркаю:

— Чувак, я не соблюдаю целибат.

Брэм предпочитает хранить молчание.

— Ну да, ну да, — Джерри вскидывает брови. — Ты пытаешься силой мысли притянуть Минсон к себе?

— Пошёл ты, — я толкаю его в плечо. Он шатается и смеётся. А я чувствую, как внутри закипает раздражение. Потому что он прав.

— К твоему счастью, Хейли притащит твою малявку на вечеринку, так что ты сможешь выплеснуть на ней все свои грязные фантазии, — присвистывает Джерри, и я вижу в его глазах искры.

— Заткнись, — бросаю я, но ухмылка сама ползёт на лицо.

Значит, она придёт. Вчера она не ответила на мой вопрос, но Хейли — подруга детства Джерри, поэтому я узнаю обо всём, что касается моей девочки, из первых уст.

Глава 3

Кара

— Не дёргайся, — цокает Хейли, пока пытается накрасить мои ресницы блестящей тушью.

Я тяжело выдыхаю. За что мне это наказание? Меня коробит от одной лишь мысли, что кто-то приближает инородные предметы к моему лицу…

— К чёрту эти блёстки! — рычу я, отклоняясь от её руки со щёточкой. — Может, и так сойдёт?

Я надеюсь, что она сжалится надо мной и перестанет насиловать моё бренное тело экспериментами.

Хейли стонет и начинает прыгать на месте, не желая сдаваться и принимать поражение.

— Ну пожалуйста, Кара! — умоляет она. — У тебя такое замечательное платье! Блёстки должны сделать твой взгляд просто невероятным!

— Замечательное платье?! — прикрикиваю я в полном ужасе. — Да у меня трусы длиннее юбки, а про рукава-сеточку вообще молчу!

— Оно сексуальное! — твёрдо возражает Хейли. — Это винтаж, дурында!

— Это пошлятская срамота! — не соглашаюсь я. — Ты заставила меня это надеть!

— Это было лучшее платье из всего того, что ты показывала мне! — не унимается Хейли. — Позволь мне накрасить твои ресницы. Ты их никогда не красишь, а они заслуживают внимания! Тебе, сучка, повезло родиться с такими длинными чёрными ресницами!

Я сдаюсь. Мне не выиграть этот бой против упорства Хейли сделать меня красивой и привлекательной.

— Ладно, — вздыхаю я, надувшись. — Только побыстрее и поосторожнее.

— Есть, мой капитан! — дразнится Хейли, возвращаясь к моим ресницам.

Вообще-то я надеялась, что температура захватит моё тело и я останусь дома в постели, но животворящие таблетки мамы сделали чудо — я чувствую себя слишком хорошо для той, кто ещё утром не мог дышать и нормально соображать.

И вот мы здесь: собираемся на вечеринку.

Я купила платье на распродаже. Оно идеально вписалось в дресс-код: бордово-чёрный.

Маленькое бордовое платье, поверх обшитое чёрным гипюром, подчёркивает мою фигуру во всех нужных местах. Идеальный вырез, открывающий вид на тонкую шею и очертания груди. Расклешённые рукава — конечно, только сетка, но в душе мне нравится: симпатично и дерзко.

Через несколько минут Хейли отскакивает назад и хлопает в ладоши:

— Вуаля!

В зеркале на меня смотрит кто-то другой. Стрелки, подводка, ресницы — я даже не знала, что могу так выглядеть. А румянец на щеках… это вообще я?

Я похожа на куклу, которую осталось завернуть в подарочную упаковку и отдать покупателю.

— Заканчиваем и выходим! — кричит Хейли из шкафа. — Я вызываю такси!

Господи, почему я согласилась пойти на вечеринку? Я ведь могла остаться дома под одеялом с чипсами и газировкой…

***

Я потягиваю из белого бумажного стаканчика сомнительного происхождения пунш. Водка горчит на кончике языка, и мне хочется непременно поморщиться, но я всё-таки на вечеринке, а не у себя дома, чтобы выпендриваться по поводу выпивки.

Хейли куда-то убежала, крикнув, что ей нужно найти Джерри. Ага, того самого эгоистичного мудака из компашки Макхилла. Когда я узнала, что они лучшие друзья с детства, у меня чуть глаза не повыскакивали из орбит. Я ещё долго подбирала упавшую на землю челюсть с вопросом: «Ты серьёзно?!»

Я стою в углу одной из гостиных роскошного особняка Джерри, тихонько попивая пунш и покачивая головой в такт энергичной музыке, которая, кажется, льётся из каждого угла. Басы давят на уши и сотрясают моё тело вместе с каменными стенами дома. Это неплохо. Для вечеринки — нормально. Но я всё равно хочу домой. Разве можно меня винить? Я интроверт.

В гостиной тускло-жёлтое освещение, которое иногда переключается на ярко-красные и ярко-белые огни. В центре — импровизированный танцпол, где скапливается толпа людей. Народу — море. И это ещё мягко сказано. Джерри — тот ещё король вечеринок. Ему всегда мало внимания, даже когда дом забит до отказа.

Когда я допиваю свой первый стаканчик и не вижу на горизонте пропавшую Хейли, решаю, что пора осмотреться. Я была у Джерри всего пару раз, поэтому кухню нашла не сразу.

Там, облепив все поверхности, стоят знакомые и не очень лица. Один из парней, лицо которого превращается в потное пятно из-за духоты, разливает пунш из огромной бочки.

Я уже навострилась, собираясь подойти к нему, как на мои плечи опускаются чьи-то тяжёлые ладони.

Вздрогнув и крепче сжав пустой бумажный стаканчик, я расширяю глаза и пытаюсь сообразить, кто это мог быть.

Человек, державший меня, склоняется, и его горячее дыхание касается моего уха:

— Ты такая красивая.

Этот голос, глубокий и низкий, пускает жар по моим венам. Вспышка желания обжигает между ног.

Я судорожно выдыхаю.

Под грохот сердца медленно поворачиваюсь к нему лицом. Его ладони исчезают с моих плеч. Я хочу возразить, заставить его продолжить прикасаться ко мне, но сдерживаюсь. Пока что.

Я выдавливаю улыбку и смотрю на его довольное лицо. Он держит в руках такой же белый стаканчик. На нём бордовое поло и свободные штаны прямого кроя. На руке — дорогие часы с бриллиантами.

Напыщенный индюк.

Но мне лестно слышать от него комплимент.

Не то чтобы я старалась, но…

— А ты выглядишь, как и всегда, самовлюблённо-эгоистично, — парирую я, наслаждаясь его широкой улыбкой, от которой сердце начинает неистово стучать в груди.

Я до сих пор больна. Иначе почему я продолжаю чувствовать все эти странные мутации в своём организме?..

— Приятно знать, что между нами ничего не меняется.

Его глаза поблёскивают весельем, когда он делает глоток из своего стаканчика.

Облизнувшись, я любопытно прищуриваюсь и спрашиваю:

— Что пьёшь?

— Самодельное производство пунша от Пайки, — быстро отвечает он, избавляясь от остатков одним долгим глотком. Он морщится на секунду. — Дерьмо редкостное.

Я хихикаю, забавляясь его честной реакцией.

Его глаза сканируют меня, задерживаясь на платье дольше положенного. Он оценивает, как я выгляжу. Льстит… Очень льстит…

У меня перехватывает дыхание, когда он кивает подбородком на мои руки, в которых я продолжаю держать пустой стаканчик.

— А ты?

Я трясу пустым стаканчиком.

— Пунш. Но он закончился. Пришла за добавкой.

— К чёрту добавку, — бормочет он, по его лицу бежит мрачная тень. — Пошли, я найду что-нибудь получше.

— Что? — вскрикиваю я, когда он хватает меня за руку и выводит из кухни. — Куда мы идём?!

Он тянет меня на себя, и я почти врезаюсь в его бок. Его рука обнимает меня, защищая от толпы, пока мы пробираемся сквозь гостиную.

Тело пылает от его близости, от его невероятного запаха…

Господи, я хочу облизать его.

***

Я не задаю лишних вопросов.

Макхилл уводит нас вглубь дома. Мы поднимаемся на второй этаж, где рассыпаны люди по разным комнатам, но он уводит нас в левое крыло, которое оказывается пустым.

У меня сосёт под ложечкой. Хочется спросить, куда мы идём. Но я молчу.

Я терпеливая девочка. Могу подождать.

Уильям останавливается возле массивной дубовой двери в конце коридора. Я расширяю глаза, когда он дёргает за ручку и кивает головой, безмолвно приказывая войти в незнакомое пространство.

Внутри оказывается темно и прохладно. Мурашки от волнения и предвкушения бегут по коже. Комната напоминает чей-то кабинет: рабочий стол, стулья, диваны и стеллажи с книгами. Окна закрыты плотными шторами.

— Чей это кабинет?

— Джерри, но он не пользуется им, — отвечает Уильям.

Я поворачиваюсь к нему. Он подходит к стеклянному стеллажу и достаёт крепкий напиток. Я смотрю, как он достаёт бутылку. Его руки. Его профиль. И понимаю, что мне плевать на напиток. Мне важно только то, что он сейчас сделает.

Моё тело вибрирует, когда он перебрасывает бутылку из руки в руку и подходит ко мне. Его карие глаза наполнены опасным жаром, который невозможно игнорировать.

Он забирает стаканчик из моих рук и кивает на диваны, стоящие друг напротив друга.

— Садись.

Ловлю себя на том, что меня заводят его приказы. Они звучат в правильной диктаторской интонации, которой мне хочется подчиниться.

Я молча повинуюсь, следуя к диванам. Сев на холодную кожу, я чувствую, как во мне просыпается желание. Оно — настоящее. Неукротимое. Я сглатываю, когда он подходит ко мне…

В его глазах на секунду появляется сожалеющий блеск:

— Ничего нет, кроме этого, но это хотя бы не пунш…

Я беру стаканчик и делаю глоток. Маленький и осторожный. Горечь обжигает горло, и я закашливаюсь.

— О боже… — стучу себя по груди, на глазах наворачиваются слёзы.

— Полегче, — он усмехается, забирая у меня стаканчик. — Не привыкла к нормальному алкоголю?

Я поднимаю на него яростный взгляд. Он смотрит на меня с усмешкой. Кажется, ему нравится, что я кашляю.

Злость вырывается наружу:

— Похоже на яд, а не на алкоголь.

Я облизываю губы и поджимаю их.

Макхилл улыбается и склоняет голову набок.

— Тебе нужна вода?

Я прищуриваюсь и отмахиваюсь.

— Нет.

Он раздумывает несколько секунд, а потом возвращает мне стаканчик.

— Пей небольшими глотками. Осторожнее. Это же не вода и не тот сильно разбавленный пунш.

Меня бесит его нравоучительный тон, но в то же время этот голос отзывается во всём теле, особенно между ног.

— Знаю я, — огрызаюсь, забирая стаканчик и посматривая на жидкость сомневающимся взглядом.

Макхилл садится напротив меня на другой диванчик. Мой взгляд падает на его впечатляющие упругие бёдра.

Я шумно сглатываю и облизываю губы.

Боже, что со мной не так? Почему он вызывает такую реакцию во мне?

Любовный приворот? Зелье? Я не обращала на него никакого внимания ещё… два дня назад!..

Чтобы отвлечься, я перевожу взгляд на полки с книгами. Мне слишком любопытно узнать, что читает Джерри, но я держу себя в руках.

Макхилл смотрит на меня плотоядным, сжирающим взглядом. Чувствую, как он пялится, желая залезть мне под кожу.

Я физически ощущаю, как его горячий поток желания скользит от шеи и вниз, распространяясь по груди, животу и бёдрам.

— Ты напряжена, — констатирует он, делая щедрый глоток.

— Нет, — слишком быстро отвечаю я, словно готовилась к этому вопросу.

Мои щёки горят, когда я облизываюсь и качаю головой.

Уильям забавляется, наблюдая за мной с улыбкой.

— Язык твоего тела… — начинает он.

Я перебиваю его смешком.

— Язык моего чего?!

Он закатывает глаза.

— Язык твоего тела говорит об обратном.

— Ты что, массажист или… как его там?..

— Нет, — он качает головой, не отрывая от меня взгляда. — Я просто наблюдателен.

Воздух застревает в горле. Сердце неистово колотится в груди, как птичка, попавшая в клетку.

— Ты что, следишь за мной? — хрипло спрашиваю я, мой голос тихий.

— Иногда, — отвечает он так, словно в этом нет ничего странного. В его глазах — чистое безумие. — По настроению.

Саркастичный смешок срывается с моих губ. Я не боюсь того, что он следит за мной. Меня откровенно пугает тот факт, что он делает это с какой-то целью, а я не знаю зачем.

— Это что, шутка?

И неожиданно, вместо ответа, он заявляет:

— Я хочу сыграть с тобой.

Я растеряна. Во что он хочет сыграть?

Ничего не понимаю, но мне не страшно рядом с Уильямом Макхиллом.

Моё сердце знает, что он безопасен… И это куда страшнее…

Глава 4

Уильям

— Во что ты хочешь сыграть? — спрашивает она с блеском в глазах, от которого у меня скручивает внутренности.

Блять, она такая идеальная.

Я возбуждён с того самого момента, как увидел её в гостиной. Она стояла в гордом одиночестве, покачиваясь в такт музыке и наслаждаясь пуншем. Член налился кровью и давал о себе знать каждый раз, когда я представлял, как касаюсь её мягкой кожи.

Я чувствую её жар на расстоянии полутора метров. Мне не терпится прикоснуться к ней, но я терплю. Выжидаю подходящего момента.

Заставляю свои глаза оторваться от любования её телом, обёрнутым в тряпку, которую хочется сорвать одним рывком.

— В двадцать пошлых вопросов, — отвечаю как ни в чём не бывало. Это единственное, что пришло мне на ум, когда я вдруг, забыв о своём плане, решил пойти по другому пути.

Веселье сияет в её серых глазах. Она сбита с толку, но продолжает сидеть здесь и подстраиваться под мой ритм. Я кайфую от того, как она тянет меня к себе.

— Что это за игра такая? — она хихикает. Нежный звук отдаётся тёплой волной в груди. — Ты что, извращенец, Макхилл?

Я иронично выгибаю бровь, делая глоток виски, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего:

— Нет, — качаю головой. — Мне кажется, что эта версия поинтереснее обычной. Разве ты хочешь знать мой любимый цвет, музыкального исполнителя и фильм, над которым я плакал?

Она вскрикивает, её лицо светлеет от моих слов:

— Ты что, плакал над фильмом?

— Это образно, Минсон.

Она вытягивает губы и сжимает их, разочаровавшись.

И всё же заинтригованный блеск в серых глазах никуда не исчезает.

— Тебе не страшно? — спрашивает она, уставившись на меня распахнутыми глазами. — Вдруг я кому-нибудь расскажу твои грязные секреты?

Я смеюсь над её милой забавностью. Она тоже улыбается.

— Пожалуйста, я буду только рад, если ты разрекламируешь мои достоинства.

Кара морщит носик, но потом машет рукой перед лицом.

— Окей. Давай сыграем в твои двадцать пошлых вопросов, но я оставляю за собой право молчания, если мне не понравится вопрос.

— Если тебе не понравится вопрос, ты делаешь глоток виски, — я киваю на её стаканчик, который она поставила на низкий стеклянный столик. — Но это можно только два раза. Если ты захочешь пропустить в третий раз — выполняешь моё желание.

Кара задумывается, прикладывая тонкий палец к накрашенным розовым губам.

— Договорились, — соглашается она через минуту.

У меня внутри всё сводит от желания поскорее задать ей двадцать самых развратных вопросов и получить ответы, чтобы знать, что она предпочитает…

— Можно я начну первой?

Я не успеваю сосредоточиться, как она подпрыгивает на своём диванчике, желая начать первой.

Меня это удивляет. Впечатляет. Я рад, что она проявляет инициативу.

— Конечно, — я пожимаю плечами.

— Чтобы я могла рассказать девчонкам из университета о твоих фетишах, мне нужно узнать о них!

Я усмехаюсь. Конечно, сама оригинальность.

— Ты действительно хочешь знать о моих фетишах?

— Да! — восклицает она с блеском в глазах.

Мне хочется ответить, что мой главный фетиш — это ты.

Но я молчу. Ещё рано раскрывать карты и пугать её своими животными желаниями.

Мой взгляд падает на её тонкую шею, где учащённо бьётся пульс.

— Шея.

Затем я скольжу взглядом по её маленькой груди, спрятанной в чашечках платья. Не хочу быть примитивным, поэтому говорю:

— Бёдра. Ноги. Ладони, — она жадно впитывает каждое моё слово. — Я восхищаюсь эстетикой тела.

Она фыркает, в её глазах вопрос: «Ты серьёзно?».

— Какие-то общие фетиши. Есть ли что-то, что ну… Прямо вообще…

Есть, но я не хочу говорить о них. Не сейчас.

— Да нет, — я пожимаю плечами. — Ничего такого.

Она выгибает бровь, не поверив в мои слова.

— Ты правда думаешь, что я какой-то извращенец? Минсон, умерь свои таланты. Твоя очередь — фетиши.

Кара закусывает нижнюю губу, обдумывая вопрос. Я заинтригован, как она ответит. Правду или слукавит.

— Мужские накачанные ягодицы! — говорит она и начинает смеяться, прикрывая лицо руками.

Я посмеиваюсь над её смущённой реакцией, но потом она всплескивает руками и добавляет более серьёзно:

— Странно говорить о том, чего у меня нет!

— У тебя нет фетишей? — я удивлён.

— Нет… Или да… Я не знаю! — она снова смеётся, и её смех кажется глуповатым, защитной реакцией, но мне нравится её естественность. — Знаешь, это сложный вопрос.

— Окей. Тогда… Меняем вопрос.

— Это нечестно! — возмущается она. — Я же ответила.

— Этого было недостаточно, — упираюсь я, качая головой. — Нужен полный развёрнутый ответ. Представь, что ты пишешь эссе по Ромэнс.

Она смотрит на меня в неверии, но потом отмахивается.

— Валяй тогда.

— Что тебя заводит быстрее: долгие прелюдии или спонтанность без лишних слов?

— Партнёр, — отвечает она сразу, пытаясь сохранить серьёзное выражение лица.

Но потом всё рушится.

— Наверное! Я не знаю!

Кара начинает беспричинно смеяться. Я сбит с толку. Не понимаю, что происходит. Почему она так сильно смеётся, как будто вопросы её смущают или…

Погодите-ка.

Она не может ответить на второй вопрос, а это уже о чём-то говорит.

Я подозрительно прищуриваюсь.

— Ты что, девственница? — осторожно спрашиваю я.

Она быстро качает головой.

— Нет.

Лёгкое разочарование заполняет мою грудь, но я и не думал о том, что она в свои двадцать один сохранит себя для кого-то. В особенности для меня, случайного парня, с которым учится на одном факультете.

— Если так можно выразиться, — заговаривает она, привлекая моё внимание.

— Что это значит?

Мне хочется облизнуться, как хищнику, преследующему свою жертву, но я сдерживаюсь, не желая спугнуть её.

Кара машет на себя руками, пытаясь согнать жар и красноту с лица. Румянец растекается по её ушам и декольте. Она выглядит взволнованной.

Она прочищает горло и снова облизывается.

А затем неожиданно…

Её язык касается внутренней стенки щеки, и у меня мутнеет в глазах. Представляю, что в её щеке не язык, а мой член…

Фантазия ударяет в голову, дыхание спирает в груди, и я слишком заворожён её необдуманными действиями.

— Это значит, что… У меня никогда не было секса с партнёром, — тихо говорит она.

Это не то, что я ожидаю услышать. Её слова заставляют меня задуматься. В голове пустота. Ничего непонятно.

Но вдруг внутренний голос начинает нашептывать, что она, возможно…

— Игрушка? — голос дрожит на этом слове, пока перед глазами скачет картинка, как она лежит на постели с широко разведёнными бёдрами и толкает в себя аккуратную розовую игрушку так глубоко, как только может.

Я удивлён. Восхищён. Моя маленькая девочка любит игрушки? Это в корне меняет дело. Мои планы, лежавшие на подкорке сознания, начинают перестраиваться под новую информацию.

Кара ёрзает на диване и незаметно кивает. Её глаза впиваются в меня.

— Ага, — она снова машет на себя ладонями. — И что в этом такого? Мне просто было интересно!

Я чуть не давлюсь воздухом. Она думает, что я пытаюсь обвинить её в этом? Ни в коем случае. Я впечатлён настолько, что у меня начинает зудеть внутри от желания посмотреть, как она обращается с игрушкой.

— Значит, у тебя никогда не было партнёра?.. — зачем-то уточняю я.

Она прикусывает губу, её взгляд становится обжигающим.

— Нет, — шепчет она. — Это стыдно, знаешь ли? Все мои одноклассницы начали тусоваться с парнями в пятнадцать лет, а к восемнадцати уже могли похвастаться приличным багажом сексуального опыта.

— А что делала ты в пятнадцать? — моё любопытство переходит все границы. Она должна послать меня к чёрту и прекратить этот разговор.

— Училась! — восклицает она, приподнимая подбородок в защитном жесте. — Я думала только о поступлении в университет, а не о мальчиках и их причиндалах.

Я усмехаюсь, когда она продолжает:

— По факту, я девственница, потому что ничьи грязные потные руки никогда не касались моего тела, но в то же время нет — я знаю, что нужно делать, чтобы сделать себе хорошо.

Я мазохист. Она говорит слишком много информации, которая автоматически превращается в цветные картинки, от которых начинает кружиться голова. Либо пора заканчивать, либо перейти к части, где она раздвинет для меня свои очаровательные бёдра, и я увижу её всю — розовую, блестящую, жаркую.

Мой голос становится низким и грубым.

— Разве тебе самой не хотелось мужских прикосновений?

Кара ведёт плечами, задумываясь. Её глаза поднимаются к потолку, затем смотрят на стеллажи.

— Хотелось, — медленно отвечает она, переводя на меня взгляд. — Я сходила на несколько свиданий. Думала, что это как-то повлияет на мой интерес к мужчинам, но они были такими… — она замолкает, поджимая губы и раздумывая над ответом. — Не знаю, как выразиться.

Я заинтригован её словами, поэтому жду, пока она продолжит. Но меня подкупают слова о том, что её никто не заинтересовал.

Знаю, что это буду я — тот, кто подарит ей море ласки.

— Немного нежными, что ли, — Кара мрачнеет, дёргая губами. — Не совсем нежными, но… Боже, я не знаю.

Она милая, когда пытается сформулировать мысль, но не может.

— Ты знаешь Даниэла Ричардсона с экономического?

Я быстро качаю головой, и она показывает мне язык, на что я выгибаю бровь.

Во мне вспыхивает чувство, которое я старательно подавляю в себе. Слышать истории о том, как она ходила на свидание с парнями, — это ещё одна мазохистская петля на моей шее.

— В общем, Дэниэл подошёл ко мне на первом курсе и пригласил на свидание. Я согласилась. Мы сидели в кафе некоторое время, и все эти драгоценные минуты, которые я могла потратить на учёбу, слушала его истории о футболе — он оказался игроком и преданным фанатом. Он ничего не спрашивал обо мне и даже не пытался — он был увлечён темой футбола, потому что накануне прошёл какой-то суперский матч, где его команда победила. Отстой полный.

Кара переводит дыхание, на её губах появляется печальная улыбка. Я слушаю её внимательно, пока во мне расцветает предательская ненависть к этому недофутболисту.

— Второй претендент был ничуть не лучше, но уже с литературного клуба. Мы говорили о книгах… Мне нравятся книги… Но он слишком… Яростно отстаивал свою позицию, как будто моё мнение — это помеха, которую нужно оставить на обочине.

Я ревную, и это чувство мне мало знакомо. Единственный человек, которого я когда-либо ревновал, — это миссис Поппс, моя няня. Тогда мне было пять лет, и я желал получать всё её внимание, а она разрывалась между мной и Джеймсом, моим младшим братом.

Она облизывает губы и пожимает плечами.

— Как-то так. Но, знаешь, я ни капли не расстроена, — её серые глаза начинают сиять, как будто она что-то замышляет. — Кажется, я нашла алмаз, который может мне помочь в том, чтобы получить немного мужского внимания так, как хочу я.

Она загадочно улыбается, лишая меня дара речи. В её голове зреют такие же планы, как и у меня?

Я не боюсь сделать что-то неправильное по отношению к Каре. Не сомневаюсь, что она выдержит каждое моё пожелание. Мне просто не хочется пугать её своим напором, когда она ещё не привыкла ко мне.

У меня чешется горло от желания признаться в своём желании, которое начинает душить меня со всех сторон.

Я делаю глоток виски. Она не сводит с меня пронзительного распахнутого взгляда, как будто чего-то ждёт.

Сажусь так расслабленно, как только могу, расставляя бёдра чуть шире и надеясь, что она не увидит очертания твёрдого члена под тканью брюк.

Её глаза устремляются к моему паху. Я ухмыляюсь, и она стремительно краснеет.

Облизнувшись, я прочищаю горло и хрипло шепчу:

— Кара, давай сыграем в ещё одну игру?

Её глаза вспыхивают желанием, как будто ей нравятся мои игры.

Она согласно кивает.

— Я говорю, ты — исполняешь.

Она прищуривается, в её взгляде сияет вопрос.

— Начнём? — предлагаю я, давая ей шанс отказаться.

Если она скажет «нет», я отпущу её и продумаю свой план ещё раз. Она заслуживает того, чтобы я немного помучился.

Если она скажет «да», я приступлю к изучению её необузданной сексуальности.

— Давай, — несмело шепчет она, но у самой на лице написан неподдельный интерес.

Боже, моя девочка, ты даже не представляешь, на что толкаешь себя…

Глава 5

Кара

Я сошла с ума.

Господи, я сошла с ума!

Играть в игры с Уильямом Макхиллом — это то, к чему я не была готова, но это меня чертовски завело, и я сгорала от нетерпения вернуться домой, закрыться в спальне и избавиться от потребности, вспыхнувшей между бёдрами.

Я никогда не была такой влажной и горячей, как сейчас. Мне постоянно хочется двигаться. Сердцевина пылает, требуя жёсткого трения, которое доведёт меня до исступления.

Кажется, я даже не подозревала, что можно завестись от одного лишь разговора с Макхиллом. Да, мы говорили о пошлостях и интимных вещах, но они… Не они влияли на моё желание, а его спокойствие и глаза…

Блять, его глаза пытались проникнуть в меня и трахнуть…

Клянусь, что он тоже едва держится на грани, чтобы не сорваться и не напрыгнуть на меня.

И я бы позволила. Позволила бы ему.

Это греховно — желать человека, который настолько совершенен, что не боится признавать этого вслух. Он идеален, я знаю это, но мне хочется…

Мне хочется сесть ему на лицо, прокатиться по его носу и губам, чтобы потом вспоминать, что идеальный принц, воспитанный в большом замке по традиционным взглядам, на самом деле ничем не отличается от нас, дикарей.

Возьми меня всю, Макхилл. Я сдамся в твой плен. На один раз. Так ведь можно?

Он не пьянеет с виски, который медленно попивает, и это даёт мне понять, что он полностью контролирует не только себя, но и ситуацию вокруг нас.

Я учащённо дышу, всё моё тело пылает от потребности получить разрядку.

— Сними трусики, — низко требует он.

Волна жара растекается в груди. Мне нравится его голос и тот командный тон, который он использует. Это заставляет меня подчиниться…

И мне это нравится, это заводит.

Я приподнимаюсь с дивана, неустойчиво держась на шпильках. Мои колени дрожат, когда я засовываю руки под подол платья и стягиваю по бёдрам бордовые бесшовные трусики.

Я сжимаюсь всем телом, когда замечаю, что на них есть большое влажное пятно.

— Отдай их.

Он дёргается вперёд, его глаза пылают желанием. Протянув руку, я опускаю шёлк на его раскрытую ладонь.

Садясь обратно на диван, я наблюдаю за ним.

Уильям прикусывает нижнюю губу, его глаза прищуриваются, а потом прикрываются, когда он подносит ткань к своему лицу.

Я ахаю, задохнувшись от его жеста. Что он делает?..

Он сжимает шёлк в кулаке и делает глубокий вдох. Его веки трепещут, как будто он наслаждается моим запахом.

Господи, есть ли в этой жизни ещё какие-то унижения, которые мне стоит испытать на себе?..

Выдержу ли я это?..

— Тебе обязательно их нюхать? — шепчу я.

Макхилл открывает глаза, и я поражаюсь тому, насколько его карие радужки заволочены блеском похоти.

Он убирает ткань от лица, но оставляет её зажатой в кулаке.

— Да, — отвечает он. — Хочу узнать, как ты пахнешь.

Его слова пускают ток по венам. У меня кружится голова.

— Откинься на спинку. Поставь ноги на столик и разведи бёдра.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что он хочет от меня. Когда я уже начинаю наклоняться на мягкие диванные подушки, моё тело простреливает волна осознания.

Если я сделаю то, что он хочет, он увидит меня без белья…

Не сказать, что я идеально выбрита, но…

Боже, никто не видел меня в таком положении. Мне… Мне неловко… Вся моя защита рушится в одночасье.

В горле пересыхает, и я ловлю на себе вопросительный взгляд Макхилла. На мгновение кажется, что он сожалеет о сказанном.

О нет, нет…

— Кара…

— Макхилл…

Мы говорим в унисон, и это заставляет нас рассмеяться, разряжая обстановку.

— Я не… — слово «побрита» застревает в горле.

Я сжимаю губы. Какой позор… Вот что происходит с девушками, которые не встречаются с парнями. Они делают это для себя, но не так часто и идеально… Наверное. Я не говорю за всех!

— Ты не… — подсказывает он, прося закончить предложение.

Я сейчас умру от стыда, если попробую закончить предложение.

— Я не… гладкая, — последнее слово произношу одними губами, и он жадно всматривается в них, безошибочно понимая, что я имею в виду.

— И что? — не понимает он, нахмуриваясь. — Меня это не волнует.

— Но!..

— Сделай так, как я сказал, — требует он, в его голосе звучит жёсткость. — Сейчас же.

И снова — в груди появляется огонь, который он распаляет одними словами и глазами.

Я подчиняюсь, отбрасывая волнения и постыдности в сторону.

Никто не идеален, если это не касается Уильяма Макхилла.

Откинувшись на спину дивана, мои ноги дрожат, когда я сбрасываю туфлю.

— Я не просил снимать туфли, — хрипло напоминает он, его кадык дёргается.

Моргнув, я возвращаю туфлю на стопу. Поставив ноги на край стола, я начинаю раздвигать ноги. Глаза ищут любой предмет, за который можно зацепиться, пока это происходит на самом деле.

— Кара, смотри на меня.

Нет, я не выдержу внутреннего напряжения.

Вынужденная соблюдать его приказы, перевожу на него взгляд и начинаю задыхаться. Он смотрит глубоко, проникновенно и интенсивно. Мои ноги раздвигаются, в груди произрастает нетерпение, которое мне сложно удержать в себе.

Когда я раздвигаю бёдра достаточно широко, платье задирается. Ветерок касается оголённой кожи, и по телу бегут мурашки. Я хочу закрыть глаза, но он приказал смотреть — и я смотрю.

Уильям смотрит мне в лицо. Долго. А потом его взгляд падает ниже. Я слышу, как он выдыхает. Сглатывает. Облизывается. Чертыхается еле слышно.

Его глаза горят. Он не отводит их. И я чувствую этот огонь на своей коже.

— Прикоснись к себе, — просит он еле слышно, не отрывая от меня взгляда.

Я шумно сглатываю и, закусив нижнюю губу, протягиваю пальцы к пульсирующему центру. Вся сжимаюсь, наощупь скользя ладонью по внутренней стороне бёдер. Он жадно смотрит на меня, оценивает каждое движение и ждёт, когда я начну развлекать его. Я совсем не против — мне нужно освобождение от напряжённых тисков.

Пальцы касаются влажных складок, и с губ срывается шумный выдох. Невероятное ощущение. Средний и безымянный пальцы скользят между складками, раздвигая их и разнося смазку по всей промежности. В груди спирает, когда я обвожу пальцем пульсирующий клитор, который чуть ли не взвизгивает от наслаждения, когда я надавливаю на него.

Мне не потребуется много времени. Я слишком долго была в напряжённом состоянии. Хватит нескольких грубых движений, чтобы закончить эту пытку. Одной рукой ласкаю клитор, двигая по нему быстрыми кругами, а второй тянусь к влажному входу.

Туфли скользят по краю столика, и я ставлю их на край дивана, чтобы дать ему лучший обзор. Пусть наслаждается моим маленьким представлением.

Когда я собираюсь толкнуть в себя сразу два пальца, Уильям рычит:

— Не смей.

Я стону, выгибаясь грудью вперёд. Пальцы отодвигаются от горячего центра.

— Пожалуйста… Мне надо…

Мне нужно, чтобы во мне что-то было… Стенки сжимаются вокруг пустоты, отчаянно нуждаясь в растяжении.

— Ты справишься и так.

— Я знаю, — огрызаюсь я. — Но мне нужно больше!

— Нет, Кара, — отрезает Уильям, его голос такой низкий и грубый.

Я усиливаю движения по клитору. Искушение ослушаться Макхилла и сделать так, как хочу я, превышает всё остальное.

Мольба хрипло срывается, когда я запрокидываю голову и зажмуриваюсь:

— Мне нужно больше, Уильям.

— Нет, ты справишься без этого.

— Ты не понимаешь!..

Я почти плачу от нехватки наполненности внутри себя. Удовлетворение, которого я не чувствовала давно, вспыхивает во мне удушающим спазмом. Низ живота сводит, пальцы ног поджимаются в туфлях, дыхание частое и тяжёлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.